

КИЙ и КИБОРГ

Стахеев Сергей

Сергей Стахеев Кий и Киборг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69412063

SelfPub; 2023

Аннотация

О них ещё никогда не писали книг. А стоило бы. В их жизни было столько невероятных историй!

Сергей Стахеев

Кий и Киборг

В тесной кладовке было тепло и темно. Пахло пылью, ветхим тряпьем, и в то же время чем-то приятным, домашним. Свет сюда проникал только через небольшую щель под дверью. Не сразу удалось разглядеть все предметы, находящиеся тут, разложенные по полкам, развешанные по крючкам и просто скинутые в кучу.

– Чтож, не самое плохое местечко, из тех, где нам довелось побывать – нарушил тишину Кий, – по крайней мере, не сыро, как в том жутком погребе, где мы едва не сгнили. Помнишь, Киборг?

– Угу

– Сколько мы там проторчали? Года два, не меньше?

– Ты как всегда преувеличиваешь, Кий. От силы год. Да, весной подтапливало, неприятно, что и говорить. Но за то, какие забавные мыши. Где б ты еще увидел столько милых мышей!

– Ты серьезно, Киб? Милые мыши?!?! Они тебе искромсали всю ногу, и ты по ним ностальгируешь?!?! Я ещё понимаю, если бы ты с умилением вспоминал тот клятый балкон на высотке, где мы обледеневали на ветру. Там хоть и впрямь было на что посмотреть.

– Да, вид оттуда, что надо – почище, чем с колеса обзора. Весь город как на ладони.

– И всё же, приятель, не по душе мне эти затяжные каникулы. Пусть здесь тепло и сухо, но уж лучше бы поскорее нас отсюда кто-нибудь забрал.

– Не будь эгоистом, Кий! Ты же знаешь, что это бы означало чью то травму или перелом. Пусть уж лучше люди обойдутся без нас. Проживем как-нибудь. Гляди – здесь неплохая компания!

Кий и Киборг, уже вполне привыкшие к темноте, оглянулись вокруг. Все вещи – постояльцы кладовой, до сего момента молча наблюдали за неожиданными гостями – парой старых деревянных костылей. Но теперь, когда те устали на них, почувствовали себя неудобно. Первым опомнился пылесос

– Гм, кхэ-эх – откашлялся он сухим, пыльным басом – я смотрю, вы ребята, путешественники. Помотало вас по свету-то. Чтож, добро пожаловать в нашу скучную, но гостеприимную обитель. В тесноте, как говорится... Братцы, чтож вы притихли, поприветствуйте гостей – обратился он к остальным жильцам кладовой.

Чулан оживился. Инструменты, посуда, одежда, всевозможные запчасти и барахло разного рода – все одобрительно стали кивать новым знакомым, приветствуя их.

– Скажите на милость, – звякнуло ведро, – мне ведь не послышалось... Ваши имена! Вы только что называли друг

друга весьма странными именами? Что бы они означали?

Костыли переглянулись. Им уже давно наскучило отвечать на этот привычный вопрос.

– Это прозвища наши, не имена – выдохнул Кий, – и они не менее странные, чем наша судьба, уж поверьте. Брат мой – Киборг. Тут всё понятно, достаточно взглянуть на него повнимательней. Видите, заплатка на заплате. Весь в каких-то металлических скобах, пластинах. Натуральный киборг. Чиненный переречиненный, но вполне ещё – ого-го! Уж не знаю, по какой причине из нас двоих именно он вечно попадает в какие-нибудь передраги. Именно его почему-то любят обглаживать собаки, кусать грызуны. Он застревает в дверях лифта, или между ступеней эскалатора. Один мужик от досады швырнул его с шестого этажа на асфальт. Правда сам же потом и собрал.

– Всё так! – хмыкнул Киборг, – Признаться я уж было попрощался с жизнью, пока летел. Но воскресать у меня получается не хуже, чем умирать, как видите!

– Мда. Воскресал он не раз. – подытожил Кий, – не жизнь, а сплошной триллер!

– Зато у тебя – настоящая комедия! – подмигнул Киборг – не хочешь поведать им историю своего прозвища, а Кий?

– Отчего бы и не поведать, поведаю.

Банки с соленьями придвинулись ближе к краю полки. Валенки стали переминаясь. Циркулярная пила, свесив шнур, завияла им, словно щенок хвостом в предвкушении игры.

Все с нетерпением ждали забавную историю. И Кий начал.

– Давно это приключилось. Мы с Киборгом молодые ещё были – ни трещинки, ни царапинки. И вот попали мы к одному большому начальнику. Кажись, он где-то в районной администрации заседал. В общем, солидный такой дядька. К нему даже жена по имени отчеству обращалась: «Пётр Захарыч, дорогой, завтрак готов! Извольте к столу». Вроде и в шутку, а вроде и нет, но ему нравилось. Короче, он, как ногу сломал, переехал с города на дачу.

– Не дача, а целый дворец с ботаническим садом, – райское местечко – вставил Киборг

– Это точно. А тут у нашего Захарыча день рождения как раз, гости понаехали. Поздравляют, комплиментами именинника осыпают без всякой меры, выслуживаются, значит, перед высоким начальством. Один только субъект с усиками как у Сальвадора Дали с достоинством держится. Наоборот – даже подтрунивает над виновником торжества, и довольно едко, а тот парирует, в должниках не остается. Но видно было, что этот с усиками как ложка дёгтя в бочке мёда на вечеринке Захарыча.

– Только потом мы узнали, что усач на его место метил, подвинуть хотел. А сейчас забавлялся, на прочность соперника проверял.

– В общем, после долгого застолья, гляжу, заскучала компания. И вдруг усач (не помню как его по имени – Игорь

Сергеевич, кажется), вдруг он говорит: «Эх, Петр Захарович, если бы не ваша нога, можно было бы сейчас в бильярд партийку другую сразиться. Уж я бы отыгрался тогда за прошлое. Но нынче, ясное дело, вы не игрок. Вам теперь разве что в домино с дачниками развлекаться. Даже не знаю, стоит ли вам и к работе-то возвращаться, как бы ещё чего не сломали. Кости-то не молодые, Пётр Захарович, их беречь надо». Наш подопечный прямо вспыхнул от гнева, и всё же виду не подал. Он лишь прищурил глаз, словно глядя в прицел ружья, хлопнул по столу мягкой чиновничьей ладонью и решительно произнёс: «Это я-то не игрок? Да я вас, Игорь Сергеевич, вот с этим костылём вместо кия как раз плюнуть обыграю. Пойдёмте, пойдёмте к столу. Сейчас посмотрим, чьи кости моложе!»

Усач пытался отшутиться, но тщетно. Хозяин дома уже стоял у бильярдного стола на одной ноге, а в руках у него, как вы уже догадались – я. С тех пор Киборг меня так и кличет Кием. И ведь неплохой Кий из меня получился, честное слово – неплохой.

– Неужели вы сумели выиграть? – тоненьким голоском просвистела бамбуковая удочка.

– Я вам так скажу – вмешался Киборг – гордость и гнев – сильнейшие мотиваторы. А уж уязвленная гордость тем паче. Иные на этом лишь топливе и движутся всю жизнь, подвиги свершают, открытия гениальные делают. Что уж тут игра в бильярд с костылём!

– Ну, ну, понесло! Киборг в своём репертуаре! Никому не нужен сеанс психоанализа? Нет? Ну, тогда, позвольте, закончу историю (всё больше убеждаюсь, что конец её был бы иным, выбери Петр Захарович не меня, а моего братца-философа).

Итак, ничего не оставалось бедному Игорю Сергеевичу, как взять кий и начать партию. Гости моментально оживились и как один подтянулись к столу, никто не хотел пропустить такой необычной игры. Усач разбил шары, но ни одному из них не посчастливилось закатиться в лузы. Собственно и далее ему везло ничуть не больше. Ну а Петр Захарович орудовал мной так ловко, будто всю жизнь только костылём и играл. Вы бы видели, как он резво скакал на одной ноге вокруг стола и забивал один за другим шары в лузы. Бывало, правда, терял равновесие, приземлялся на большую ногу и тут уж корчился от боли. Но лишь долю секунды, и сразу же метил мною в следующий шар. Всякий раз после удачного удара он бросал в сторону соперника короткий презрительный взгляд, сопровождая его противным нервным смешком и колкими замечаниями типа: «Что скажете? Недурно для старых костей, а?», «а как вам такой дуплетик?», или: «вы, Игорь Сергеевич, не бойтесь, я никому не расскажу, как вы вчистую продули старику с костылём, уж я вам репутацию не подпорчу».

И чем дальше, тем азартней Петр Захарович становился. Впрочем, азарт – не то слово, скорее какой-то дикий вос-

торг, остервенение. И уже не замечал он, что опирается на сломанную ногу, лишь бы удивить всех ещё каким-нибудь фирменным приёмом и поглумиться над и без того поникшим Игорем Сергеевичем. Последний шар под общие аплодисменты публики Пётр Захарович загнал мной в лузу одной левой рукой.

Чтож, больше после этого наш проигравший друг за весь вечер не произнес ни одной шуточки, сидел, насупившись, полоскал усы в спиртном. А Захарыч торжествовал.

– Но не долго, – Киборг грустно улыбнулся, – гости разъехались, а к ночи пришлось скорую вызывать, – загипсованная нога разболелась аж невмочь. Увезли в больницу. Потом по разговорам мы поняли, что у Захарыча нашего сместились кости, не успев ещё толком срастись, и теперь нужна операция плюс долгое восстановление. Жене он тогда строго наказал, чтоб про операцию никому ни слова. На работе тоже что-то насочинял, выкрутился. Однако трудно ему тогда пришлось.

– Зато будет что внукам рассказать! Ведь, согласись, красиво он усача разбомбил?! Этож какая победа неслыханная!

– Победа, говоришь, – задумчиво произнёс Киборг, – ну не знаю, лично я думаю, что самую большую свою победу Захарыч одержал потом, уже под конец реабилитации. Даже ты не скрывал удивления, насколько круто он изменился. Он победил себя, свою гордость.

– Ему пришлось её победить, деваться было некуда.

– Пусть так, но и это многого стоит. Даже в таких обстоятельствах не всякий изменит своей властной осанке. Он же, хоть и не сразу, а смог себя побороть.

– Нельзя ли поподробней – попросила ковровая вышивка, а вслед за ней продолжения истории потребовали и остальные обитатели кладовки. И Киборг исполнил их просьбу.

– Хорошо. Обозначу лишь пару деталей и вы сразу поймёте каким стал наш подопечный Петр Захарович.

Каким он был вы уже, наверное, догадались, – властный, напыщенный, привыкший к подбострастию подчинённых, пользующийся непререкаемым авторитетом в кругу семьи. Такой маленький, но вполне себе важный божок. Все шли к нему с просьбами, а он никого ни о чем не просил, только приказывал. Я, не припомню, чтобы до операции он хоть раз о чём-то попросил свою супругу. Нет, ей он, конечно, не приказывал, но и на просьбы это как-то не совсем было похоже. Ну, например: “Завтра дети приедут. Пирог бы испекла чтоли”, или: “Ты, это, в аптеку собираешься? Если что, у меня лекарства заканчиваются”. Ну а потом, когда после операции вставать было нельзя и он стал целиком от жены зависим, тут уж его начало ломать и корёжить. С трудом до него стало доходить, что он никакой не бог и не царь, и что другие люди нужны ему не меньше, чем он нужен им.

Мало-помалу Захарыч начал смягчаться, и в его лексиконе стали появляться словосочетания типа “Надо бы” “Вот

бы”, а потом даже и до волшебного слова “пожалуйста” дошло. Помню как-то всю ночь ему не спалось, жутко саднила нога. И вот поутру кличет он жену, и верите ли, по имени очеству её называет: “Тяжко мне, Наталья Леонидовна, видно снова укол придётся... всмысле надо бы...” берёт паузу, делает глубокий вдох, отводит глаза и наконец выговаривает: “Будь добра, сделай мне укол, пожалуйста. Рука у тебя лёгкая. Авось боль утихнет”. И гладит тихонько её запястье. А та, смотрю, заморгала и убежала на кухню, утирая фартуком слезы.

Некоторые в кладовке от такого рассказа тоже растрогались. А Киборг продолжал.

– И ещё победа была, когда Пётр Захарович впервые (барабанная дробь) признал себя неправым. Обычно спорить с ним было бесполезно. А уж извинений и вовсе ждать не приходилось. И тут однажды, когда жена имела неосторожность в чём-то его поправить, Петр Захарович по старой привычке довольно резко её одернул обидным словом. И вдруг в ответ на робкий укор супруги, он говорит: “Ну, прости, прости старого дурака, погорячился. Правда, она ведь глаза колет, вот я и распетушился”. Наталья Леонидовна от таких слов просто опешила, и ещё полдня пребывала в молчании, видно пытаясь переварить что это такое произошло.

Ну и много подобных метаморфоз в характере Петра Захаровича довелось нам с Кием наблюдать, пока он не поправился и не передал нас другому нуждающемуся.

– Да, он здорово изменился, – подтвердил Кий, – Вобщем-то я с первого дня к нему с симпатией относился. Но под конец заужавал всей душой.

– О чём я и толкую, – вставил слово Киборг, – не всегда боль уродует, иногда наоборот – красит. Вот говорят, что страдания заставляют иных людей прогнуться, ломается человек под их тяжестью. А я так скажу – ломается не человек, а только его гордыня и прочие глупости. Кто знает, может, порой скорби для того и случаются.

– Не пори чушь, Киб! Ладно, Захарыч, – там есть чему ломаться. Но ты же помнишь бабу Нюру! Вот уж кроткая овечка, ни разу никому слова поперек не сказала. Ни жалоб, ни обид – одна святая благодарность. Ей то страдания почто достались? Смиренней ведь некуда! Изволь, братец, не работает твоя теория. Нет у боли смысла, как нет его в смерче или извержении вулкана. Боль бьёт вслепую, беспристрастно и наугад. Баба Нюра лишь случайная жертва, не более.

– Это как посмотреть, Кий. Вспомни тот же бильярд. Когда игрок со всей мочи лупит в один шар, а в лузе, в итоге, оказывается другой, ты же не называешь это промашкой! Да, в каком-то смысле баба Нюра стала жертвой боли. Но уж точно не случайной. Её здоровье было принесено в жертву ради вразумления внука. Или ты забыл, как повлияла на него вся эта история.

Кий насупился и не спешил отвечать. А обитатели кладовки не сводили глаз с Киборга, в надежде услышать по-

дробности.

– Извините, – не удержался сломанный тостер, – А что там собственно произошло? Я про бабушку с внуком. Было бы интересно послушать.

– Да, в общем-то ничего особенного. Таких историй миллион. Жила старушка одна. Дети к ней редко заходили. В основном, за деньгами. Были у бабы Нюры кое-какие сбережения на черный день, да и пенсия неплохая, – по её скромным запросам даже больше, чем требуется. А там, то внуку на колледж, то сыну на зимние шины, то дочери на стоматолога.

– Да уж, – хмыкнул Кий, – у дочки во рту золота, побольше чем железа на всём Киборге.

– Ну, и в общем, сломала старушка ногу. Неудачно сломала. Даже с нашей помощью трудно ей было передвигаться. По дому кое как ковыляла, того и гляди рухнет. Об улице и речи быть не могло. Короче требовался кто-то, чтобы следить за ней, еду готовить, да за продуктами в магазин ходить. Детям, разумеется, некогда. Свалили на внука. Давай, мол, присмотри за бабулей. Она, вон, с колледжем тебе подсобила. Пора должок возвращать. Поживи у неё, пока не поправится. Глядишь и квартиру на тебя скорее оформит. Словом, приперли Костика к стенке (внука Константином зовут). Деваться некуда – скрепя зубами, согласился. Пришлось ему слегка замедлить ритм своей юнешеской разгульной жизни.

– А Баба Нюра, – подхватил Кий, – вот уж наивная душа!

Как ребенок радовалась, когда внук к ней переехал. Он даже не пытался скрыть своё раздражение, а она будто не замечая, всё нахвалиться на него не могла: “Костенька, милый ты мой! Помочь мне вызвался! Пожалел бабушку! Господь тебя благословит за твоё доброе сердце”. Ага, доброе! Если у кого и было в этой семье доброе сердце, так это у неё. Всех без разбора любила. Даже для нас с Кибом у неё хватало нежности. Всегда нас гладила, палочками-выручалочками называла.

Кий блаженно вздохнул, а Киборг сказал

– Да, это правда. Внучок всем видом показывал, что бабуля ему точно кость в горле. Ни грамма сочувствия, уважения и ледяное равнодушие. Словно он не за человеком живым ухаживает, а какую-то машину обслуживает. А она вместо того, чтобы обижаться, только и извинялась всё время, и как ни в чём ни бывало тянулась к нему, интересовалась его делами, переживала, молилась.

– О, да! – восторженно воскликнул Кий, – Сколько она за Костю молилась! Нередко и по ночам. Бывало, он за дверь, а она тут же сядет на кровать, обопрется на меня и молится, молится. Как сейчас помню самую первую её молитву за него. Навострил я уши, – думаю, ну, теперь то посыпятся жалобы как из рога изобилия. И слышу: “Господи, спасибо за Костеньку! Он для меня – такое благословение, такая отрада!”. Я чуть на паркет не шлепнулся, едва удержал равновесие. “Ты, – говорит, – Господи, прости его неразумного за грубость, за черствость. Костя был бы другим, познай он Тебя. О, если б толь-

ко познал он любовь Твою великую, Боже! Ты ведь можешь это устроить! Придумай что-нибудь”. Я весь будто лаком покрылся от этой молитвы. Все заусенцы пригладились. У самого вся злость на Костю куда-то испарилась.

– На целых пять минут, – съязвил Киборг, – Потому что когда Костя вернулся из магазина, Кий снова пыхтел от негодования.

– Слушай, святоша! – в тон другу парировал Кий, – Сперва вынь сучок из своей ноги! А уж потом моим бревном занимайся. Тебя чтоли не выводило Костино поведение?

– Выводило, чего уж там. Нелегко было изо дня в день смотреть, как он старушку обижает, а она всё прощает и знай себе молится, ожидая чуда от Бога.

– Честно говоря, – признался Кий, – я не очень-то верил в силу молитв, но чудо действительно произошло. Хоть и не сразу.

Жители старой кладовки слушали историю очень внимательно. А на этом месте и вовсе затаили дыхание. Даже паук перестал плести паутину, примостившись на верхушке антенны раритетного радиоприемника. Не желая томить публику, Киборг продолжал.

– Время шло. Баба Нюра всё льнула к внуку, а тот к телевизору. Он её почти ни о чем не спрашивал, и себя разговаривать не позволял. Небрежно выполнял свои обязанности, а потом закрывался в своей комнате до следующей просьбы о помощи.

Однажды правда Костю заинтересовал фотоальбом, который просматривала бабушка. Это были старые черно белые снимки. Пролистав пару страниц, Костя сел рядом с бабушкой и стал слушать её краткие пояснения, которые незаметно превратились в длинный увлекательный рассказ. Вся её жизнь вдруг предстала перед парнем в совершенно ином свете. Он и не подозревал, что его бабушка так много всего пережила. Военное время, голод, гибель братьев, тяжелая работа в больнице сразу после учебы, удивительное знакомство с дедом, забавные и, напротив, трагические случаи в медицинской практике. Не скажу, что Костю всё это сильно потрясло, но гордыню свою он слегка поумерил.

Настоящее же чудо Костиного преображения случилось несколько дней спустя и притом совершенно неожиданно и бесповоротно.

– Впечатлительных прошу достать носовые платочки! – перебил Кий, – Сейчас будет самый душещипательный момент. Я и сам в тот день прослезился, честное слово!

– Дело было так. Накормив бабулю ужином, Костя объявил, что уходит, и вернется только утром. Он и до этого не раз так делал.

– В ночном клубе тусовался, – пояснил, ухмыляясь, Кий, – Пьянки, гулянки... ну вы понимаете.

– Однако в этот раз он вернулся раньше намеченного. И причем трезвый. Но вид уж больно угрюмый, потерянный. Позже мы узнали, что с подружкой у него размолвка вышла,

и как-то не до дискотек сразу стало. Он домой и вернулся. Открыл тихонечко входную дверь. И мимо спящей бабы Нюры юркнул к себе в комнатушку. Было два часа ночи, но Костик всё никак не мог заснуть. Оно и понятно – не каждый день с любимыми девушками расстаешься. Так вот, лежит он значит, в потолок глядит, и вдруг из соседней комнаты доносится: «Господи! Слава Тебе, Боже милостивый! Опять я к тебе с молитвою за внука моего, за Костеньку. Сбереги его, Господи от зла, и от греха удержи!»

Сообразив, что к чему, Костя испытал величайшее удивление. Это ж надо, бабушка проснулась глубокой ночью, и первая её мысль – о нём! К тому же парню ни разу до этого не приходилось слышать молитв, и это было довольно любопытно.

Костя напряг всё внимание, стараясь ничего не пропустить. Благо, дверь была приоткрыта, так что от него не ускользнуло ни единого слова.

«Уж как я люблю его, Господи! Тебе известно. И, знаешь, я даже рада теперь, что ногу-то поломала. Хоть насмотрюсь на него вдоволь. Ах, если бы и детей видеть почаще. Ради этого, честное слово, я согласна вся оказаться в гипсе. Ой, прости меня, Господи. Эгоистка я. Не так молиться надо. Не со мной, а с Тобой пусть всегда будут! Обо мне пусть они и вовсе забудут, главное, чтобы о Тебе вспомнили. А то ведь, что это за жизнь – без Бога! Смотрю вон на Костеньку, – он хоть и молод, а душой уставший, измаявшийся. Тяжело

ему, Боже! Ищет счастья там, где его отродясь и не водилось. Мечется направо, налево. А ему бы наверх посмотреть. Ты наставь его, Господи, вразуми! Найди кого-нибудь, пусть о Тебе внучку расскажут. Меня-то он слушать не хочет. Скучно молодцу со мной, старухой. Не сочти за ропот, – я очень ценю его службу. Костя для меня что Ангел. Просто прошу, пригляди за ним, Боже, вот как он нынче за мною приглядывает.

Он так заботится обо мне, а ведь сам куда больше в заботе нуждается. В Твоей, Господи, заботе. Выхаживает бабушку, старается, а у самого душа чахнет без Тебя! Ты ведь её исцелишь, правда? Верю, не зря я молюсь, не зря плачу...

И тут наш Костик не выдержал. С глазами полными слез, вылетел он из своей комнаты и с грохотом рухнул перед кроватью бабушки. «Не зря, – кричит, – не зря, милая! Родненькая ты моя, не зря!» Уткнулся ей в колени и давай прощения просить перед ней, да перед Богом. Старушка сперва аж дар речи потеряла. Ну а потом вслед за внуком рыдать принялась, не переставая славить Творца.

– Как у бабы Нюры еще инфаркт не случился, – прокомментировал Кий, – у меня и то душа ушла в пятку.

– Да, это надо было видеть. Ночь, тишина. И вдруг в лунном свете появляется некто, всклокоченный, ревуший, да еще и запутавшийся в белом пледе, точно воскресший Лазарь в пеленах. А ведь и впрямь – воскрес человек. Будто спал и проснулся. Поверьте, Костика в ту ночь словно под-

менили.

И первое, что он сказал бабушке поутру... в жизни не догадаетесь. Он сказал: «бабуль, а ты мне сегодня расскажешь о Боге?».

– И даже потом, – добавил Кий, – когда старушкины кости зажили, а нас прибрали под её кровать (будь она неладна эта скрипучая рухлядь), внучок продолжал с завидным постоянством навещать нашу бывшую подопечную. Причин тому было две. Это, конечно, бабулины фирменные плюшки. Ну и совместное чтение Библии, разумеется.

– Да, конец у этой истории счастливый, – заключил Кий, – прям как в бразильском сериале.

Растроганные кладовчане кряхтели, скрипели, всхлипывали на все лады. У одной банки с малосольными огурцами даже помутнело стекло и вздулась крышка. Пылесос чихал, пытаясь скрыть волнение. А гитара не сдержалась и издала мажорный аккорд оставшимися четырьмя струнами.

– Ещё, ещё! – выкрикнула своё любимое слово свинья-копилка. – Расскажите ещё что-нибудь!

Вслед за ней и все остальные затребовали новых историй. Пришлось старым костылям поскрести по сусекам памяти, где, как выяснилось, хранилось еще много трогательных воспоминаний о самых невероятных случаях, забавных курьезах и трагических происшествиях.

Например, влюбленная парочка. Оба студенты училища искусств. Она попала в аварию, травмировала ногу. Загипсовали, отправили домой. А он навещал её каждый день, не давая грустить. Однажды принес краски и целый вечер прямо на гипсе старательно выписывал подсолнухи её любимого Ван Гога.

Или старшеклассница Рита. Девушка так любила кататься на роликах, что повредив ногу, не стала ждать пока она окончательно окрепнет, – надела коньки, и, взяв костыли для страховки, выкатила на проезжую часть.

Бедные водители совершенно растерялись. Кто-то дал по тормозам. Другие забыли про светофор и проехали на красный. Надо было видеть их ошеломленные лица. Повстречай они на дороге жирафа на лыжах, удивились бы меньше. В автошколе к подобным ситуациям их явно не подготовили.

Ну а как забыть чудесное исцеление старого Митрича. В первый же день после выписки, вопреки уговорам родных, собрался и поковылял в церковь. Вошел в неё с костылями, а вышел без.

А каменщик Серёга бросил пить и начал писать стихи. Первое время после перелома лодыжки, затосковал он в своей тесной квартире. Метался от окна к окну на костылях, места себе не находил. И все дружки куда-то разом пропа-

ли, выпить даже не с кем. Швырнул как-то костыль в стену от отчаяния, с полки упала книга. Это был томик Есенина. Открыл его Серега, да и зачитался к своему собственному удивлению. А потом и сам стихосложением увлекся. И так, что про выпивку забыл начисто.

Кий и Киборг весь день напролет по очереди рассказывали о судьбах своих старых знакомых. Братья помнили каждого подопечного, как учителя помнят всех своих учеников даже спустя годы. О ком-то они вспоминали с грустью, но чаще с радостью и гордостью.

– Иногда мне кажется, – весело произнес Киборг, – что мы и впрямь не костыли, а волшебные палочки. Проходит человек с нами месячишко и преобразается – не узнать.

– Ага, – буркнул Кий, – вот только благодарности от людей не дождешься. Мы их единственная опора в немощи. Поддерживаем бедолаг каждый день, пока не срастутся кости. А станем ненужными, выкидывают нас в затхлый чулан, и больше никогда не вспоминают. Только мы помним каждого из них, запах их рук, их голоса и стоны – всё в нашей памяти.

– А может и хорошо, что люди нас забывают, а, Кий! Как говорила баба Нюра: «Главное, чтобы о Боге помнили». На самом-то деле это Он их преобразует. А мы лишь Его инструменты. Причем инструментов таких у Него много и самых разных.

– Нет, всё-таки здорово тебя баба Нюра обработала со своей Библией. Тебя надо было не Киборгом, а Клириком прозвать.

– Кстати о прозвищах! – сказал Киборг, обращаясь к обитателям кладовки – Одному нашему подопечному забавное прозвище дали – «Вертолет». Помнишь, Кий?

– Ты про Романа Евгеньевича? Ещё бы не помнить!

– Был он когда-то бравым воякой. До майора дослужился. Нам о нём много его офицерский ремень рассказывал. Вот уж поистине интересная судьба у человека. Жаль только семьей так и не обзавелся. Впрочем, жалеть об этом ему было некогда с его-то бурной жизнью полной подвигов и приключений.

Старый армейский бинокль, что висел под потолком, заметно оживился, и даже настроил фокус, чтобы видеть Киборга лучше.

– Но мы с Романом Евгеньевичем познакомились позже, когда он уже ушел в отставку.

На пенсии он, однако, и дня сидеть не захотел. Двинулся в ближайшую от дома организацию, коей оказался ГорЗеленХоз. И, мимо секретарши, прямо к директору: «Нужна, мол, работа. На ваше место, – говорит, – не мечу, мух ловить не привык, и в офисе чахнуть не собираюсь. Есть у вас какая-нибудь отстающая бригада? Давайте, – говорит, – её мне, сделаю образцово-показательной. Дисциплину налажу в два счета, работа закипит, гарантирую» Директору такой

настрой пришелся по душе и бригаду Евгенийч незамедлительно получил. Порядок в ее работе он действительно навел быстро. И сразу стало скучно, так что он перекинулся на другие участки. Давал советы, помогал, тормозил, спорил, добивался. Между тем работники его собственной бригады подчас не могли его отыскать.

Штатный сварщик Федор – веселый мужик – дал им однажды дельный совет. Дело в том, что он знал Романа Евгеньевича по армии, – много лет назад он служил под его командованием. «Это, – говорит, – тот ещё живчик! Его поймать нереально. За то и прозвище он в армии получил «вертолет». Где он, там много шума, и сплошная круговерть. Вы, – говорит, – прекратите за ним бегать. Просто встаньте на любой дорожке и чуть-чуть подождите, – он обязательно мимо вас пролетит».

– Энергии ему и в правду было не занимать, – подтвердил Кий, – Какая-то мощная пружина внутри не давала ему расслабиться. Не переносил он спокойной, размеренной жизни.

– Да, точно. Его ремень, с которым наш майор не расстался, рассказывал нам, что переехав в эти края, он поначалу поселился в пригороде. Рядом озерцо, лес, – словом – тишь да благодать. Но именно это-то и было для него невыносимо. Стал искать размен. Вскоре наткнулся на подходящий вариант и переехал. Это была однушка на самой оживленной улице города, вполне отвечающая запросам майора. Гул машин

до поздней ночи, а в придачу шумная стройка неподалеку.

Для полной гармонии купил Роман Евгеньевич радиоприемник, который включался сразу после сигнала будильника и выключался перед отбоем. Причем, совершенно не имело значения, какая станция в эфире и что вещает.

В общем, и на работе и дома умел наш майор создать подходящую для себя наэлектризованную атмосферу. Как говорится: «колесо крутится – белка довольна».

И вот, однажды всей этой идиллии внезапно был положен конец.

Образцово-показательная бригада во главе с бригадиром занималась спилом аварийных деревьев. Как всегда Евгеньич руководил процессом громко и пылко. Если не хватало слов, показывал руками, устраивал настоящие мастер-классы. Бегал от одного дерева к другому. Пытался уследить за каждым работником.

– А вот за собой не уследил, – вставил Кий, – Огромная отпиленная ветка полетела с дерева вниз, а Евгеньич как раз подошел слишком близко. Ему кричат: «Берегись!». Он ринулся в сторону, а там куча дров. Бедолага споткнулся, упал, а ветка ему прямо на ногу и приземлилась, раздробив перцовую кость.

– Берцовую, грамотей, – упрекнул Киборг, – пора бы запомнить. Всё-таки ноги – твоё призвание.

– Ладно, заноза! Не важничай! Лучше рассказывай что там дальше было.

– Ну что, боль дикая. Доставили пострадавшего в больницу. Там осмотр, рентген. Сделали обезболивающее, а домой не пускают. Придется, дескать, на вытяжке полежать немного. Ну, Евгенийч сопротивляться не стал, человек он военный – приказам подчиняться умел. «Есть, – говорит, – вытяжка, товарищ доктор»

Лишь через час он в ужасе осознал, на какую муку подписался. Но было поздно. Больная нога уже надежно закреплена с помощью нехитрой конструкции и не позволяла сбежать.

Хуже того, его поместили в одиночную палату. «Это, – говорят, – к вашему же благу, поскольку палата прямо напротив сестринского поста, так что без присмотра вас точно не оставят. Чуть что, зовите»

Вначале Евгенийч держался. День ушел на игру в города с самим собой. День на освоение художественного свиста. Увы, совершенства в данном искусстве достичь не удалось из-за поступивших жалоб.

Два дня потребовалось, дабы разгадать все кроссворды, что нашлись у сестры на посту. С книгами в их отделении и вовсе была напряженка. Удалось достать лишь пару женских журналов, да краткий справочник по клинической хирургии. Роман Евгеньевич их добросовестно прочитал от корки до корки. Дважды.

Потом пытался перестукиваться с соседом по ту сторону

стены, но тому быстро надоело, да и азбукой Морзе сосед явно не владел.

Научился Евгенийч из бумажной салфетки складывать лебедя. Совсем скоро к величайшей его гордости на тумбочке красовалась целая стая белоснежных птиц. Правда суровая санитарка заставила ваятеля усомниться в наличии у него задатков художника, сказав: «Что это за змеиный выводок тут у вас. Непорядок».

Потом он вспоминал все стихи из школьной программы и декламировал их с выражением. Пел строевые песни, но опять-таки не долго. Прибежала бледная медсестра и умоляла не пугать её больше.

– Смартфонов в те времена не было, как и Интернета, – пояснил Кий, – однако с самого первого дня наш несчастный пациент умолял всех сестер и врачей принести ему телевизор в палату. Но телевизор был один на весь этаж, да к тому же в крошечной палате Евгеньича его просто некуда было поставить.

Посетители его не баловали. Впрочем, в первый же день пришел директор ГорЗеленХоза. В правой руке – букет пионов с одной из городских клумб, в левой – мы с братцем.

– Да, – улыбнулся Киборг, – Роман Евгеньевич правда недвусмысленно дал понять, что ни в том, ни другом не нуждается. Но директор мигом водрузил цветы в трехлитровую банку, а нас прибрал под кровать. «Сейчас, – говорит, – не надо, а при выписке пригодятся».

Пару раз больного навещал брат с домашними гостинцами. Но я так понял, особой теплоты в их отношениях никогда не было. После одной-двух неудачных попыток начать разговор, мужчина собирал пустую посуду и уходил.

– Но была в отделении одна веселая сестричка лет тридцати. Лишь ей удавалось разговорить нашего пострадавшего и даже поднять ему настроение. Брала она не внешностью (красавицей её не назовешь), а какой-то особенной добротой, чуткостью. Майор видел людей насквозь, – малейшую их фальшь, лесть, показуху. Таких он не подпускал к себе близко. Но Машенька (так звали сестру) похоже на самом деле ему сострадала и искренне интересовалась его делами.

Именно этим она его зацепила. Не подумайте – никакой романтикой там и не пахло. Однако переносить своё нестерпимое положение Евгеньичу было немного легче в те дни, когда дежурила Маша.

Прошло пару недель, и у Романа Евгеньевича совершенно пропал сон. Вот когда началась настоящая мука. Днём ему ещё удавалось найти для себя кое-какие занятия, развлечения. Как вы уже поняли, – шума от него, даже от лежачего хватало. Он и в больнице умудрялся создать вокруг себя движуху. Суета это такая штука... Некоторым удается суетиться даже, если они прикованы к постели. Таков и наш «Вертолет». Но ночью наступала тишина, а тишины он боялся как смерти.

– Позвольте, – вклинился армейский бинокль в рассказ. –

Вот, слушаю я вас, и чем дальше, тем меньше верю. Речь идет о майоре, сильном воине, а вы рисуете его как размазню какого-то. Ну, с чего бы мужественному, доблестному человеку тишины бояться?

– Вопрос резонный. Мы с Кием и сами поначалу диву давались, чего ему так тяжело по ночам. Он ведь каждую ночь звал медсестру, успокоительное дать просил. Его спрашивают: «Болят что?» «Ничего не болит. Мне, – говорит, – отключиться надо». Уходит сестра, а он, пока не заснёт, всё постанывает, плачет даже.

– Всё стало ясно одной ночью, когда его метания дошли до предела, – сказал Кий несвойственным для него серьезным тоном. – Как раз Маша дежурила. В общем-то, если бы не она, тайна так и осталась бы тайной. Давай, Киб, опиши, как всё было. Такие рассказы по твоей части.

– Хорошо. Попробую. Итак, время далеко за полночь, а наш майор совсем измучился, изстонался. Уже и кулаками по койке бить принялся. Видать, Маша эти звуки услышала, прибежала к нему. Спрашивает: «Что, дядя Ром, плохо?». «Машенька, – говорит, – золотце, вколи что-нибудь, а, чтоб заснуть!».

Посмотрела она на него с грустью, присела на стул, ну и завязался у них примерно такой диалог:

– Вколоть, дядя Ром, можно, только так всю жизнь не получится. Я же вижу, у вас душа болит. Тут что-то другое тре-

буется.

– Есть ли она у меня, душа то? А если и есть то ей, Маш, ничем уже не поможешь.

– Душа болит, значит, она есть. А отчаиваться – это вы бросьте. Не к лицу такому бравому воину раскисать. Вы сами мне говорили, что на войне пришлось побывать, а всё ж пережили её, не сломались. Теперь-то уж чего тосковать? Страшной войны не бывает.

– Бывает. Страшной войны, Маша, – воспоминания о войне. Если б ты только знала. милая, что это такое – война! Живыми оттуда не возвращаются. Не тело убьют, так душу уж наверняка. Вот и моя душа – вся там, на войне похоронена.

– Я, конечно, войны не видала, разве по телевизору. Но ситуации всякие были тоже. И душу топтали почем зря. Мне, как и вам, казалось тогда, что и будущего у меня нет, и от прошлого не убежать. Но вы посмотрите на меня теперь. Сильно я похожа на несчастного человека?

– Напротив, прямо светишься вся.

– А знаете в чём секрет?

– Поделись, будь добра.

– Это всё Бог!

– Бог?

– Да, Бог, дядя Ром! Бог мне помог! Он мне новую жизнь дал, а старую... старой меня больше нет. Той разбитой, потерянной Марии, со всеми её страхами, болями, слабостями,

недостатками – её больше нет. И это сделал Бог, стоило лишь искренне к Нему обратиться. Может, и вы попробуете, а дядя Ром?

– Ну, нет, Бог это не моя тема! Исключено! Исключено! Точка!

– Но вы ведь не пробовали. Попробуйте, помолитесь Ему! Он, может, давно уже ждет этого. Может, и здесь вы оказались для такого момента. Бог любит вас!

И тут Евгенийч внезапно вспыхнул, возмутился, впервые позволив себе резкость в общении с Машей.

– Любит!?! О чём ты говоришь? Да что ты вообще понимаешь, я тебя спрашиваю!?! Ты ничего не понимаешь, ясно тебе, ничего! Видишь то здание? Видишь?

Майор указал на многоэтажку за окном. Почти во всех квартирах этого огромного здания огни давно погасли, но в свете фонарей дом отчетливо просматривался.

– Вижу.

– Сколько там окон, видишь?

– Не знаю, много.

– Много? Вот столько людей я лишил жизни. Лично я сам. А ещё больше по моему приказу убито. Так-то Машенька.

Евгенийч замолчал. Наверное, думал, что Маша сейчас встанет и уйдет. Женщина и впрямь встала, но направилась не к выходу, а к окну. Какое-то время она молча глядела в него, а затем обернулась и сказала.

– А как насчет звезд?

– Что насчет звезд?

– Вы на звезды смотрели? Или на луну. Я вот подумала – каждую ночь наверху зажигаются звезды с луной, а днём нас неизменно согревает солнце. Внизу, на земле, могут происходить какие угодно кошмары, могут попирацца любые заповеди. А с неба всё равно струится благодать. Это же о чем-то говорит, дядя Ром. Нам ведь подсказывают, что любовь неизменна, неиссякаема, вечна! Да, мы отвратительны в своих грехах, и их ничем нельзя извинить. И всё же любовь Божья и прощение нам доступны. И если про звезды вас не убеждает, то вот вам еще знак – крест. Крест, на котором Божий Сын умирал. Христос, дядя Ром, страдал и за вас. Вы вот думаете, что вам за ваши грехи вовек не расплатиться. Всё правильно. Поэтому и пришел на землю Спаситель. Он и расплатился. Своею Кровью Святой. За всех нас разом. Так любит ли вас Бог? Простит ли? Примет ли?

– Знаешь, Маш, мне матушка в детстве тоже частенько за Христа рассказывала, молиться приучала. Но, я Машенька, всё это утратил. И Бога где-то по дороге потерял, и радость, и смысл существования. Всю жизнь за пустотой гонялся. Строил карьеру, из кожи вон лез, чтобы звезду майорскую заполучить. Ну, получил! И куда мне её теперь, – на ёлку новогоднюю? Обзаводился не друзьями, а связями. Набивал кошелек, вместо того, чтобы душу обогащать. Не то, Маш, всё не то. А жизнь прошла почти. Теперь и оглянуться страшно. Вот и жмешь на газ со всей мочи, боясь остано-

виться даже на минуту, чтоб мысли гнетущие не нагнали. И за лучшее считаешь со столбом повстречаться на полной скорости, чем с самим собой. Но всё же, видишь, пришлось мне сегодня в зеркало-то поглядеться.

– А это хорошо, дядя Ром. Хоть больно, но очень нужно. Нужно человеку правду о себе узнать, насколько он жалок и грешен. Но только это не вся правда. Вы сегодня узнали свой страшный диагноз, и ужаснулись. А я вам говорю – это не приговор. Услышьте – есть чудо-Доктор! Он исцелил мою душу, исцелит и вашу! Вы посмотрелись в зеркало – хорошо, а теперь на Христа взгляните! Его глаза полны любви, а руки – силы. Иисус и хочет и может вам помочь! Куда и зачем ещё бежать?

На мгновение наступила тишина. Мы с Кием лежа в темноте под кроватью, конечно, не могли видеть лица Евгеньича, но койка вдруг затряслась, заскрипела под его могучим телом, и раздались приглушенные всхлипы. А потом будто прорвало, – Евгеньич зарыдал как ребенок, лепеча сквозь слезы свою первую за многие годы молитву. Это было покаяние – искреннее и глубокое. Вряд ли у меня получится пересказать. Да и тайна исповеди, сами понимаете. Одно скажу, наш майор и впрямь исцелился душой. Уже наутро он всем, входящим в палату охотно рапортовал о своих невероятных переменах. При этом выражался он не вполне ясно, чувствовалось, что не мог подобрать нужные слова. Медработники уловили лишь то, что речь шла о чем-то связанном

с перерождением, а также о каком-то чуде-Докторе, приходившем ночью к Роману Евгеньевичу. Впрочем, и без слов было ясно, что с их пациентом произошло что-то прекрасное. Лицо майора лучилось радостью, а в глазах поселилось неведомое доселе умиротворение. И мы с Кием можем подтвердить, что Евгений так и остался и после выписки. Война закончилась, настал мир, мир с Богом.

– Что-что, а красиво говорить мой братец могёт, – сказал Кий, видя как слова Киборга повлияли на публику.

– Удивительно, – воскликнул старый брезентовый рюкзак, – Получается, если бы не тот несчастный случай с упавшей веткой, то ничего бы этого не было.

– Верно, приятель, – отозвался Киборг, – Мне кажется беды это своего рода остановки, которые людям подчас устраивают, чтобы подправить их курс. Быть может сделай они еще шаг, оказались бы в пропасти. Говорят «движение – жизнь», но иногда жизнь – это неподвижность.

Мы с Кием видели немало людских скорбей. Уже много лет нас передают из рук в руки, как эстафетные палочки всё новым и новым страдальцам, которым и счета нет. И перенимая эту эстафету боли, люди, по сути, всегда получали шанс что-то изменить в своей жизни, хотя бы чуть-чуть. Надо только прислушаться к своей боли. Она обязательно что-нибудь да шепнет.

Болезнь не вырывает человека из реальности. Порой она наоборот возвращает его в неё, заставляет посмотреть на ве-

щи под другим углом.

Быть может болезнь или та же травма – это голос Творца, Который таким образом напоминает человеку о главном, то есть о его душе, что томится без Бога.

– Уж не знаю, от чего там томятся люди, – произнес Кий шутливым тоном, – а я вот, Киб, до ужаса утомлен твоими елейными речами. Ну, прямо лекцию устроил. Бубнит и бубнит.

– Куда деваться, Кий, – в тон брату ответил Киборг, – видать это старость наступает. Вот и тянет пофилософствовать.

Этим вечером кладовчане больше не услышали от уставших братьев ни одной истории. Да ведь и тех, что были поведаны, вполне достаточно для размышлений перед сном. Свет в щели под дверью давно погас, голоса и звуки смолкли. Самое время прислушаться к тишине.